

В.В. Лебедев **На что нет воли Аллаха?**

Самой актуальной проблемой, с которой сталкивается ныне арабская филология в России, равно как и другие отрасли научного знания, которые могут существовать только при наличии осознанных общегосударственных или общенациональных интересов, является, на наш взгляд, проблема ее выживаемости.

У нее несколько составляющих. Это и проблема сохранения накопленного знания и его распространения. Это и повышение качества, эффективности и, если угодно, эффектности его применения и использования. Это проблема его постоянного прибавления и наращивания, а также проблема неуклонной и разнообразной деятельности филологического сообщества, направленной на поддержание интереса гражданского общества и заинтересованности государства в результатах деятельности филологического сообщества.

Выживаемость не может быть обеспечена только неистребимой волей к жизни. Да и сама эта воля далеко не всегда возникает сама собой: чаще всего необходимым оказывается ее культивирование. Выживаемость можно обеспечить прежде грамотным решением каждой из стоящих проблем в отдельности и обеспечением надежных условий развития для всех стоящих за ними направлений.

Развитие всех отраслей арабской филологии, помимо прочего, требует регулярного притока новых научно-исследовательских и педагогических сил. При этом не стоит забывать, что процесс формирования кадров уже сам по себе является мощным катализатором развития гуманитарного знания.

Новые научно-исследовательские и педагогические силы, как и любые иные творческие силы очень трудно полноценно готовить в среде, где царит экономическая или какая-либо иная утилитарная целесообразность, упраздняющая естественное действие принципа избыточности, который, как известно из теории систем, обеспечивает любой системе ее прочность и надежность. Поскольку же провести ка-

кие-либо изменения средствами арабской филологии невозможно, то с нынешним засильем утилитаризма нужно учиться сосуществовать. Сосуществуя, можно постараться использовать эту ситуацию на благо развития самой научной отрасли.

А есть ли в филологии вообще и в арабской в частности что-либо на потребу заядлых утилитаристов? Мы отвечаем: Да. Есть.

Ведь филология учит понимать тексты. Для филолога это, конечно, звучит банально, т.е. безыформативно. Безыформативность же сейчас безответственна, поскольку на дворе эпоха, уже названная информационной, когда из всех потребляемых нами продуктов наивысшей ценностью обладают те, у которых наибольшая информативная насыщенность. Однако этой банальной фразой мы хотели бы донести до арабистического сообщества одно новое, которое заключается в том, что именно привычные и самоочевидные для нас истины требуют сегодня повышенного к себе внимания, тщательного переосмысления, детальной разработки и разумной адаптации к условиям, которые «несколько» отличаются от времен школьного комментирования Гомера, положившего начало европейской филологической традиции.

То, что является банальным внутри какого-либо сообщества, необязательно является таковым за его пределами. Общество же, государство, деньговладецы и финансовые и образовательные распорядители должны и вправе знать, зачем и для чего, к примеру, арабская филология. И лучше, чем сама филология в лице ее авторитетов, об этом не скажет никто. Наши рассуждения можно рассматривать как некую попытку смоделировать процесс диалога нашей специальности с теми, кто в силу сложившихся хозяйственных и прочих условий жизни оказался причастным к ее выживанию и возможному развитию. Наш принципиальный тезис в этой связи заключается в том, что отдельные элементы самоистолкования, самопознания и даже саморекламы оказываются необходимыми для того, чтобы тем, чем занимаются сегодняшние филологи-арабисты, могли бы заниматься и следующие поколения исследователей. Тогда будет живо то, что делается филологами-арабистами сегодня, точно так же, как через них живет то, что делалось их предшественниками вчера.

Итак, филология учит. Чему? Пониманию. Пониманию чего? Текстов. Через это филология, по определению С.С. Аверинцева, «помогает выполнению одной из главных человеческих задач — понять другого человека (и другую культуру, другую эпоху)» [Аверинцев, 1990, с. 545] И «текст», и «понимание» являются ключевыми понятиями информационных технологий. Значит, современное «информационное общество» немислимо без специалистов-филологов высокой квалификации. Это также означает, что и филология в таком обществе должна ориентироваться в первую очередь на информационную обработку текстов, а в учебном процессе — на формирование прочных навыков извлечения и оценки содержащейся в текстах информации.

Арабская филология учит пониманию арабских текстов. Понимание арабских текстов — это уникальное явление: во-первых, потому, что сами эти тексты охватывают временную протяженность не менее чем в 14 веков, а во-вторых, потому, что их понимание является результатом усвоения широкого комплекса дисциплин, каждая из которых имеет самостоятельную ценность для удовлетворения определенных духовных, культурных, интеллектуальных и познавательных запросов как индивидов, так и отдельных человеческих сообществ. В пояснение сказанному приведем фрагмент из работы известного египетского филолога Таммама Хассана «Арабский язык: семантика и структура», увидевшей свет во второй половине минувшего века:

«По-видимому, главное, почему студенты, изучающие арабскую филологию, должны внимательно относиться к занятиям по исламской истории, исламской философии, комментарию Корана, хадисам, литературе, мусульманскому праву и другим дисциплинам, заключается в том, что изучающий арабский язык, имея дело с конкретным литературным текстом, должен обладать исчерпывающими знаниями во всех этих областях, чтобы понимать “ситуацию”, в которой был высказан данный текст... Мы привыкли постоянно говорить своим студентам по поводу этих дисциплин, которые называют “вспомогательными дисциплинами”, что они суть различные аспекты разъяснения ситуативного контекста для тех текстов, с которыми мы встречаемся в арабском классическом наследии».

Таким образом, арабская филология аккумулирует в себе, обрабатывает и передает информацию по комментированию Корана, по хадисам, мусульманскому праву и другим дисциплинам, без которых ее собственное существование невозможно. А это значит, что «информационное общество», стремящееся к удовлетворению самых разнообразных потребностей людей и нацеленное на межличностный, межконфессиональный и межцивилизационный диалог, немислимо без специалистов по арабской филологии. Это также означает, что и подготовка специалистов по арабской филологии должна быть во многом ориентирована сегодня на более основательное и цельное освоение тех дисциплин, которые Таммам Хассан назвал в своем капитальном труде «вспомогательными».

Арабская филология в нашей стране может и должна обеспечить себе условия выживаемости, воспроизводства и развития. Но это не произойдет само собой. Превратить банальные истины нашей специальности в информационные поводы и программные установки учебной деятельности — вот какой видится нам самая актуальная для нас задача.

В основной части нашего сообщения мы постараемся изложить результаты филологического прочтения некоторых фрагментов Священного писания мусульман — Корана. Они касаются воли Всевышнего. Это изложение можно рассматривать и как практический ответ на

вопрос о том, что, в частности, может предлагать арабская филология современному информационному обществу.

Когда мы говорим о воле, субъектом которой является Бог (الله), то какие мы имеем для этого основания?

Таких оснований два. У нас есть два источника для постижения Божественной воли.

Первым источником является то, что Бог (الله) сообщил о Себе в Откровении, в священной Книге мусульман, в Коране.

Существенным, ключевым для понимания всего, что связано с Божественной волей, нам представляется следующее Его свидетельство:

إِنَّ رَبَّكَ فَعَالٌ لِّمَا يُرِيدُ

«Ведь Господь твой вершителю того, что пожелает» (аят 107 суры 11 (هود)).

Его воля, таким образом, познаваема в Его свершениях, в том, что Им содеяно, сделано, выполнено и исполнено.

В этом свидетельстве реальности, реализованности, действительности и воплощенности Его воли есть указание и на второе основание, второй источник человеческого познания Божьей воли. Его воля себя являет, проявляет, обнаруживает желающему постичь ее человеческому разуму. Обнаруживается в чем? Во всем сущем. Во всем, что есть, было, будет и бывает. Слушай, смотри, обоняй, вкушай, осязай — и ты постигнешь Его волю, воплощенную в другой Его священной Книге — книге жизни. Но ее читать гораздо труднее. Ибо наряду с Его первичной, безначальной волей в ней действует еще одна воля. Ведь в сотворенном Им человеке, согласно Его свидетельству (Коран 32:9), пребывает Дух Божий, а значит и воля. Но это уже тварная воля. Мы же говорим о Творце, о Его воле. И этот разговор пойдет на основании первого из указанных источников — на основании Его слова, на основе текста Священного Корана.

Объектом нашего сообщения являются коранические стихи, в которых употреблен глагол شاء يشاء «хотеть, желать». Из этих стихов нами отобраны только те, в которых данный глагол употреблен после частица لو «если бы». Сибавейхи характеризует ее как «частицу для того, что могло бы произойти, если бы произошло другое» (цит. по словарю ал-Фирузабади «Ал-Камус ал-Мухит»). Эта частица участвует в формировании условной конструкции, выражающей собой условную связь. Условная связь, как известно, представляет собой синтез значения гипотетичности и значения достаточного основания. Частица لو оформляет собой придаточную часть предложения, расположенную препозитивно относительно главной, и разделяет значения гипотетичности и достаточного основания с коррелятом ل , не имеющем здесь специальной семантической нагрузки и оформляющем собой главную часть предложения. Сложное предложение с этой частицей выражает

значение нереальной обусловленности и отражает собой ситуацию, для которой исключается ее соответствие действительности. Исключается реализация как предпосылки, так и следствия. В предложениях с глаголом شاء يشاء «хотеть, желать» ирреально, таким образом, как само наличие воли, так и то, на что она могла быть направлена.

В Коране нами отмечено более 20 предложений, в которых субъектом воли — подлежащим при глаголе-сказуемом شاء يشاء «желать» — является الله Бог. При этом имеются четкие текстовые указания, что сами эти высказывания принадлежат Всевышнему, а не являются передачей речи о Нем кого-либо из коранических персонажей. Их полное и подробное рассмотрение способно дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, на что, согласно источнику ислама, не было и нет Божьей воли. Однако это не входит в задачу данного краткого сообщения. Мы стремимся лишь подчеркнуть, что сама постановка такого вопроса правомерна для Священного Корана. Более того, имеется — и она нами предлагается — методика ответа на этот вопрос. Ее мы и постараемся представить в данном сообщении на отдельных конкретных примерах.

С этой целью мы выбрали три группы аятов, руководствуясь при этом только их содержательной стороной. Ключевым словом первой группы является هُدًى «правильный путь», ключевым словом второй группы — نذيرٌ «увещатель», ключевым словом третьей группы — أمة «община, народ».

В первой группе есть такой аят:

وَلَوْ شَاءَ اللَّهُ لَجَمَعَهُمْ عَلَى الْهُدَى

«А если бы Аллаху было угодно, то Он направил бы их всех по прямому пути» (аят 35 суры 6 الأنعا).

Какая информация, переданная лексико-грамматическими средствами, представлена в этом аяте? Направил ли Он их всех (зд.: тех, которые считали и считают пророков лжецами) на правильный путь? Нет, не направил. Была ли Его воля на то, чтобы направить их всех на прямой путь? Нет, не было. А мог ли Аллах направить их всех на прямой путь? Да, мог бы, если бы на то была Его воля?

По содержанию аята могут возникнуть и другие вопросы. Например: почему Он не направил их всех на прямой путь? Почему Он не направил на прямой путь всех людей? Кого Он направляет на прямой путь, а кого оставляет пребывать в заблуждении? Какое отношение к этому имеет то обстоятельство, что Творец и самого человека наделил волей? Может ли и вправе ли человек взять на себя то, на что не было Господней воли, и постараться вывести всех тех, которые считали и считают пророков лжецами, на прямой путь? Как самому человеку узнать Господню волю относительно самого себя? Однако все эти и им подобные вопросы решаются уже за пределами данного аята с его грамматической структурой и ее лексическим наполнением, с применением иных познавательных механизмов. Важ-

ность же самой этой темы отсутствия произволения Аллаха вывести на прямой путь всех людей считается в Коране и с ее многократного упоминания в разных вариантах. Так, в другом месте Корана говорится:

لَوْ شِئْنَا لَأَتَيْنَا كُلَّ نَفْسٍ هُدَاهَا

«Если бы Нам было угодно, то Мы каждой душе даровали бы ее правильный путь» (Коран 32:13).

В этом аяте мы получаем отрицательный ответ на вопрос о том, каждой ли душе дарован прямой путь. Мы получаем отрицательный ответ на вопрос, была ли на то, чтобы каждую душу наставить на прямой путь, воля Аллаха. И мы имеем утвердительный ответ на вопрос, мог ли Аллах наставить на прямой путь каждого. Да, мог, но не соблаговолил.

Еще один аят, где Всевышний, прямо обращаясь ко всем нам, говорит:

فَلَوْ شَاءَ لَهَدَاكُمْ أَجْمَعِينَ

«Если бы Ему было угодно, то Он бы всех вас наставил на прямой путь» (Коран 6:149).

Всех нас Он не наставил на прямой путь. Это Ему не было угодно. Но Он мог бы наставить на прямой путь нас всех. Таков смысл коранического текста.

О вере, о ее всемирном утверждении, Всевышний недвусмысленно сообщает:

وَلَوْ شَاءَ رَبِّكَ لَأَمَنَّ مِنَ فِي الْأَرْضِ كُلِّهِمْ أَفَأَنْتَ تُكْرَهُ النَّاسَ حَتَّىٰ يَكُونُوا مُؤْمِنِينَ

«Если бы было угодно твоему Господу, то уверовали бы все, кто на Земле, без исключения. Так тебе ли принуждать людей, чтобы они стали верующими» (Коран, 10: 99).

Все это может значить, что любые иные, в том числе и человеческие действия и намерения, которые могли бы быть направлены на то, чтобы наставить на прямой путь всех и каждого или принудить к вере всех без исключения живущих на Земле — такие действия и намерения были бы неуютны Аллаху, противны Его воле. Ибо они не соответствовали бы Божественной истине и разрушали бы общий Божественный замысел о человеке как заместителе Бога на Земле, призванном нести за нее ответственность. Ведь именно для этого Он и наделил его волей:

قُلِ الْحَقُّ مِنْ رَبِّكَ فَمَنْ شَاءَ فَلْيُؤْمَرْ وَمَنْ شَاءَ فَلْيُكْفُرْ

«Скажи: Истина от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует» (Коран, 18: 29).

В этой связи нельзя не отметить, что Божественная воля относительно человеческих убеждений изначально мягка, снисходительна, терпима и милосердна, поскольку она ставит человека перед возмож-

ностью выбора. И в этом — самое трудное для нее испытание. Сатанинская же воля принципиально жестка, тверда и беспощадна. Она решительно и принудительно утверждает себя, не допуская иной возможности. Первая извечно созидательна. Вторая — последовательно деструктивна. Божественная — откровенна и всеохватна. Сатанинская — действует тайно и целенаправленно (адресно), она всегда стремится выдать себя за собственную волю якобы самого «свободного» человека. Божественная — прекрасна, она устремлена к возвышению человеческого духа и человеческого достоинства. Сатанинская — омерзительна, она упорно везде и всюду стремится принизить человека. И Божественная, и противная ей сатанинская воля действуют ради человека, на человека и через человека, и оставляют на нем свой отпечаток.

Еще один аят с интересующим нас лексико-грамматическим составом говорит о проводниках Божественной воли:

ولو شننا لبعثنا في كل قرية نذيرا

«Если бы Нам было угодно, то Мы бы в каждом селении поставили увещателя» (Коран 25: 51).

Как известно, законы духовного мира не тождественны законам мира материального. Но если даже создание инфраструктуры жизнеобеспечения не предполагает строительства недроразрабатывающих и перерабатывающих, ткацких, швейных и пищевых производств в каждом селении, если даже удовлетворение культурных потребностей души не предполагает, чтобы в каждом селении был свой поэт, или прозаик, или драматург, или композитор, то что же говорить о тех, кого Господь избирает для донесения истин, нетленных и неизменных ни во времени, ни в пространстве?

И, наконец, среди аятов со значением нереальной обусловленности, которые начинаются с частицы гипотетичности *لو*, отметим аят — один из нескольких, — имеющий отношение к организации совместной жизни тех, кто принял Божественное руководство своей жизни по прямому пути и стал верующим.

ولو شاء ربك لجعل الناس أمة واحدة

«Если бы Господу твоему было угодно, то Он сделал бы людей единым народом» (в пер. И.Ю. Крачковского, В. Пороховой) / “un seul peuple” (у Kasimirski) / «единой религиозной общиной» (в пер. М.-Н.О. Османова) / «одной общиной и верой» (в пер. Б.Я. Шидфар) / «единой общиной верующих» (в пер. Э. Кулиева) (Коран 11:118)

Это извещение повторяется в Коране несколько раз, что подтверждает его особую значимость в деле устроения общественной жизни. Не вызывает никаких сомнений, что рукотворные проекты интернационализации, или глобализации, или иных разновидностей, вариантов и проявлений всечеловеческой унификации неуютны воле Всевышнего, как она обозначена в Священном Коране. Многовековой

же опыт жизни человечества показывает, что неугодное человеколюбивой воле Создателя может иметь лишь временный, проходящий успех, попускаемый Им для вразумления, поучения и увещания всех и каждого, и в «любом селении».

Универсальными же моментами для всего человеческого рода всегда были и есть только два, никак не зависящие от человеческой воли — это начальная и конечная точки жизненного пути каждого человека. А этого уже более чем достаточно для того, чтобы у людей было основанное на высшей реальности чувство единства, равенства и братства.

В данной статье: 1) мы выделили в Священном Коране конструкции со значением ирреальной обусловленности (لو... لـ); 2) приняли во внимание лексическое наполнение этих конструкций (глагол شاء يشاء «желать, хотеть» в качестве сказуемого придаточного глагольного предложения и имя الله Бог либо соответствующие ему личные местоимения в качестве подлежащего такого предложения); 3) выделили те предложения, где в качестве распространителей предикативного ядра главного предложения выступают лексемы هدى «прямой путь», نذير «увещатель», أمة «народ»; 4) в результате нами получены отрицательные ответы на вопросы о том, было ли угодно Аллаху вывести всех и каждого на прямой путь, было ли угодно Аллаху в каждом селении поставить увещателя и было ли угодно Аллаху сделать всех людей единой общиной.

Источники и литература

Аверинцев, 1990 — *Аверинцев С.С.* Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.